

Кондратюк Г.Н.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В ШКОЛАХ КРЫМСКОЙ АССР В 1920-Х ГОДАХ

Светский характер образования в Советской России был определен Декретом СНК РСФСР "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" от 23 января 1918 г.: "...Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведений, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучаться и обучать религии частным образом". Власти заняли резко отрицательную позицию по отношению к церкви, преподаванию основ вероучений. Задача состояла в том, чтобы сформировать у учащихся совершенно иную систему мировоззрения, отвечающую целям создания коммунистического общества. Антирелигиозная пропаганда в школах осуществлялась в рамках более широкого контекста борьбы с религией. Координация антирелигиозной деятельности осуществлялась Союзом Воинствующих Безбожников (СВБ). Возглавлял СВБ Емельян Ярославский, бывший редактор газеты и журнала "Безбожник" и журнала "Антирелиозник".

В Крыму в январе 1925 года группой работников Областного Комитета РКП(б) было инициировано создание общества "Безбожник", работу которого возглавляло областное бюро. Был намечен общий план антирелигиозной пропаганды, практическая реализация которого столкнулась с трудностями: "...Разработанный обществом устав, инструкции и программы кружка "Безбожник" посланы местам, но эта работа не привилась, общество оказалось нежизненным, и в настоящее время оно возобновило свою работу в одном Феодосийском районе... Таким образом, работа в районах по антирелигиозной пропаганде ведется до сих пор случайно, без плана..." [1, л. 48].

Особое внимание ОК РКП(б) уделял антирелигиозной деятельности в школе. Этого требовали партийные директивы. XII съезд РКП(б) в Резолюции "О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды" указывал: "...Только соответствующая организация школы и подготовка школьного учителя, распространение широкой сети политико-просветительных учреждений, прежде всего изб-чителен, систематическое и планомерное снабжение деревни советской газетой и книжкой и полная и окончательная ликвидация неграмотности наряду с успехами Советской власти в деле поднятия сельского хозяйства, создадут почву для окончательного и полного искоренения религиозных предрассудков в умах десятков миллионов граждан республики" [2, с. 116].

Школа должна была воздействовать как на учащихся, так и их родителей: "...когда школа влияет в одном направлении, семья и вся окружающая обстановка влияют в совершенно другом. Если в школе приходится переделывать то, что ребёнок приносит из семьи, если между школой и внешкольным воспитанием... лежит пропасть, лежит противоположность, то стоящая перед школой задача – чрезвычайно трудная... Вот почему, когда мы говорим об антирелигиозном воздействии на детей, нужно говорить и о воздействии на взрослых, на родителей. Как бы себе серьёзно ни поставили задачу антирелигиозного воспитания в школе, вы должны иметь в виду, что нельзя разрешить как следует эту задачу, если между родителями и детьми существует полная противоположность во взглядах в этом вопросе. Вот почему антирелигиозную пропаганду нельзя разбивать на антирелигиозную пропаганду среди взрослых, не затрагивая детей и наоборот" [3, с. 110].

Преподаватели школ, воспитанные на традициях русской педагогики, для антирелигиозной пропаганды были не пригодны. Наркомпросом Крымской АССР была поставлена задача как можно большее количество педагогов привлечь на курсы переподготовки. На курсах существенное количество часов отводилось на политизированные дисциплины, навязывание атеистических взглядов: "...В своем докладе пленуму Крымсовнаркома Наркомпрос указал на необходимость освежения учительского

персонала... Прошлым летом через курсы было пропущено 1473 работника соцвоста (61% от общего количества) из них 636 сельских учителей. Среди последних 226 татар." [4, с. 2]. Курсы переподготовки должны были изменить систему взглядов школьных учителей, сделать из них проводников антирелигиозной политики: "...И не может учитель, если он хочет действительно быть учителем... останавливаться на полдороге и рассуждать: "Я как-нибудь проживу со своими прежними понятиями, мне очень трудно себя переделать." Надо себя переделать, хотя бы на старости лет. Нужно себя переделать так, как многие из нас переделали себя на старости лет. Ведь мы, революционеры, тоже не рождались антирелигиозниками..." [5, с. 121]. Наркомпрос Крымской АССР, ОК ВКП(б) анализировали качество антирелигиозной и политической работы, стремились обеспечить её через кадровую политику: "...Культпроп ОК предлагает в кратчайший срок проверить состав обществоведов, выделяя на эту работу наиболее выдержанных и имеющих опыт пропагандисткой работы партийцев, создавая необходимые условия для повышения их квалификации в процессе повседневной работы. Вместе с тем должен быть поднят удельный политический вес в школе комсомольских и пионерских организаций" [6, л. 79]. Молодежные организации должны были организовывать вне-школьное воспитание, участвовать в формировании абсолютно нового мировоззрения учащихся: "...Антирелигиозная работа с детьми возможна, и она даёт очень большие результаты. На этой почве могут возникнуть конфликты у родителей с детьми. Но в конце концов ребёнок находится под воздействием учителя, и если учитель правильно это дело поведёт, то ребёнок не только сам выработает в себе целостное мировоззрение, но он будет влиять и на своих родителей... Если будет заложен научный фундамент с детства, то потом трудно будет вклиниться какому-нибудь религиозному мировоззрению... антирелигиозная пропаганда не должна носить отвлеченного характера... она должна, выбивая камень за камнем из этого религиозного мировоззрения, заполнять его новым, научным мировоззрением... надо вытравить целиком религию, вытравить все остатки религиозного мировоззрения..." [7, с. 128].

Решение задачи "вытравить религию" осложнялось тем, что в Крыму в 20-х годах было мало школ второй ступени, т.е. тех, где учащиеся в том возрасте, когда происходит формирование системы взглядов и ценностей. А во-вторых, образовательный уровень самих учителей был достаточно низким. В докладной записке в ОК ВКП(б) от 12/XI 1927 г. Наркомпрос Крымской АССР указывает: "...Вопрос об образовательной подготовке сельского учительства не может быть признан вполне благополучным: мы имеем лишь 5% учителей с высшим образованием; 48% со средним; 47% с низшим... В составе сельского учительства мы имеем 5,8% членов ВКП(б) и 8,7% членов КСМ, что даёт некоторое повышение учителей-партийцев, насчитывавшихся в прошлые годы буквально единицами..." [8, л. 126].

Одновременно власти осуществляли жёсткий контроль за недопустимостью преподавания религиозных знаний в школах: "...На основании декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви ЦАУ Крыма просит [Райисполкомы – Авт.]: 1) Установить надзор за выявлением преподавания закона божьего в школах всех видов и ступеней... 2) в случаях обнаружения преподавания закона божьего, лиц, преподающих таковой, немедленно снимать с должности с одновременным привлечением их к судебной ответственности по 121 ст. Ук." [9, л. 82].

Антирелигиозную деятельность осуществляли национальные клубы. В 1927 году в Симферополе работали армянский, крымчакский, греческий, польский, караимский, нацмен Запада и крымскотатарский. Всего в Крыму насчитывался 21 клуб, из них: 4 армянских, 4 крымчакских, 2 греческих, 2 польских, 2 караимских и 5 крымскотатарских. В сельской местности Крыма функционировало 63 крымскотатарские избы-читальни [10, л. 31].

В рассматриваемый период Крым являлся не только многонациональным, но и многоконфессиональным регионом. В отношении антиисламской пропаганды, борьбы с

преподаванием исламского вероучения большевики старались быть осторожны. На необходимость соблюдать осторожность было обращено внимание в резолюции XII съезда: "...Принимая во внимание, что 30-миллионное население Союза Республик до сих пор почти в неприкосновенности сохранило многочисленные, связанные с религией средневековые предрассудки, используемые для контрреволюционных целей, необходимо выработать формы и методы ликвидации этих предрассудков, учитывая особенности различных национальностей..." [11, с. 115].

В 1925 году к Совещанию наркомов просвещения союзных республик прорабатывался вопрос об отношении к преподаванию основ ислама. В тезисах к докладу "О религиозной школе" указывалось: "...Вопрос о мусульманской школе... тем обстоятельством, что в большинстве случаев в областях с мусульманским населением советская школа развивается туго, не только вследствие необходимых средств, но также и в результате чрезвычайных трудностей в деле приискания советских учителей. Мусульманское духовенство было единственным распространителем грамотности, т.к. грамотность эта не может быть быстро поднята достаточным распространением советских школ, то мусульманское духовенство приобретает в случае крайнего ограничения его учительской деятельности возможность политически спекулировать фактом якобы понижения грамотности среди населения и разрушения советской властью исламо-арабской культуры без замены её какой-нибудь другой... Духовенство это, в общем и целом заявлявшее о своей лояльности по отношению к советской власти (на манер обновленческой православной церкви) сильно опиралось на эту свою лояльность и требовало подчас путём сбора петиций больших масс населения дальнейшего расширения своих прав, в частности и школьных. Со всех сторон отмечали рост влияния мулл, равнодушные населения... к советской школе и тому подобные достаточно неприятные явления... при чрезвычайно значительной неграмотности населения и невозможности обнять хотя бы половину детского населения советской школой (а дело обстоит так именно в подавляющем большинстве случаев) упразднение школы арабской грамотности сделалось бы прекрасным оружием в руках панисламистов и пантюрксистов, которые могли бы доказать, что советская власть искореняет культуру Корана и арабскую грамотность, оставляя население в полном невежестве и понижая его культурный уровень. Для Наркомпроса РСФСР совершенно ясно, что единственным правильным и основным методом борьбы с религиозной мусульманской школой было бы расширение количества и повышение качества советской школы" [12, л. 249].

Контроль за преподаванием основ ислама, религиозной ситуацией в Крымской АССР осуществляло и ГПУ. В одном из обращений ГПУ в Наркомпрос Крыма в мае 1924 года указывалось: "По имеющимся у нас сведениям, в связи с введением в школах преподавания естествознания и упразднением преподавания Корана большинство татар очень неохотно отпускают в школу своих детей, примером чего служит случай закрытия школы на этой почве в деревне Биюк-Актачи Евпаторийского района, где школа совершенно перестала функционировать за непосещением детей" [13, л. 304]. Власти были вынуждены пойти на уступки. Председатель Крымского ЦИК Вели Ибраимов обращается в Президиум ВЦИК: "КрымЦИК сообщает, что виду отсталости мусульманского населения Крыма и глубоких остатков религиозных традиций необходимо дать право населению обучать своих детей вероучению, но при обязательном исполнении следующих инструкций: 1. Обучаться мусульманскому вероучению могут только лица: окончившие полный курс 5-летней трудовой школы 1-ой ступени и имеющие о том удостоверение школьного совета, 2. лица достигшие полных 14 лет от роду..." [14, л. 248]. Преподавать вероучение можно было только в мечетях [15, л. 363]. ГПУ и Наркомпрос Крыма осуществляли также контроль за поступлением религиозной литературы. Нарком просвещения Мухитдинов в январе 1924 года писал в ГПУ: "На днях был у меня Тарпи (Муфти), заявил, что в числе книг, полученных из Константинополя, имеются подаренные Муфтию книги религиозного содержания, просил их дать ему по

принадлежности... Необходимо выяснить, какие книги привезены... Я выделяю из НКП Мемут Недима – зам. зав. Политпросветом – коммуниста, знающего хорошо турецкий язык..." [16, л. 5].

В январе 1928 года по надуманному обвинению был арестован, а затем и расстрелян, председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов. Относительная свобода в культурном строительстве сменяется ужесточением курса, активизируется и антирелигиозная деятельность, приобретающая более агрессивный и бесцеремонный характер. Даже позитивные мероприятия в культурно-национальном строительстве подчас приобретают новый оттенок. В мае 1928 года было принято решение о переходе на латинский алфавит. Переходный период был определен в пятилетье. Использование НТА придавало импульс улучшению работы школ, подготовке специалистов в национальных техникумах, оживилась работа лингвистов. В сентябре 1929 года состоялось областное агитпроповещение. В своем докладе новый нарком просвещения Крыма Рамазан Александрович говорил: "...В руководстве переводом на НТА со стороны советских органов временами проглядывает политическая сторона вопроса. Некоторые товарищи не видят той жестокой классовой борьбы, которая разгорается вокруг введения новотюркского алфавита. Новое поколение, которое учит в школах НТА и не знает арабского, уже в силу этого отходит от Корана, от религии, выпадает из-под влияния духовенства. Поэтому самым злейшим и лютым врагом проводимой реформы является духовенство, всячески поддерживаемое националистической частью интеллигенции. Борьба за новый алфавит выливается в классовую борьбу за молодое поколение. Если раньше духовенство и националисты выступали открыто, то теперь они всячески маскируются..." [17, с. 2]. Начинается период открытых репрессий против неугодных, а ими были люди высокой культуры, образованности, лучшая часть крымскотатарской интеллигенции, которая, конечно, не могла воспринимать грубой антирелигиозной хулы. В докладе, сделанном в ОК ВКП(б), говорилось: "...Культурный фронт, также как и другие фронты социалистического строительства, является ареной классовой борьбы, и в этом свете надо рассматривать все процессы, происходящие в культурном строительстве... Буржуазно-националистическая часть татарской интеллигенции пыталась возглавить культурное строительство, направить его против интересов пролетариата и трудового крестьянства. В числе руководящих работников народного образования были даже такие видные миллифирковцы, как А. Адабаш, У. Азизов, Айвазов, А. Хильми, Чобан Заде. ...после ликвидации ибраимовщины, вскрыт ряд классовых извращений в работе органов народного образования и культурных учреждений... Так, например, официальный орган Наркомпроса "Оку Ишлери" в составе сотрудничавших имеет безусловное большинство буржуазных националистов. Таким образом, журнал "Оку Ишлери" был не боевым органом штаба культурной революции – Наркомпроса, а, по существу, органом миллифирковцев... Надо сознаться, что планомерной работы со стороны союза воинствующих безбожников не ведётся, несмотря на то, что этот участок классовой борьбы в крымских условиях является одним из наиболее важных. Антирелигиозное воспитание необходимо внедрить во все органы и учреждения, ведущие культурно-просветительскую работу..." [18, с. 2].

В октябре 1929 года состоялся второй пленум крымского совета Союза воинствующих безбожников. Пленум "...обсуждал план работы на 1929-30 год. В основу плана положено выполнение решений второго всесоюзного съезда безбожников. Решено увеличить тираж антирелигиозной литературы больше чем в три раза, провести районные и областные курсы безбожников, организовать коллективы пропагандистов и отдельные секции по мусульманству, сектантству..." [19, с. 3]. Вопрос об антирелигиозной работе обсуждался и на заседаниях Секретариата ОК ВКП(б). Было уделено внимание формам и методам антирелигиозной работы, обсужден доклад "Культурная революция и антирелигиозная пропаганда" [20, л. 81]. Формы антирелигиозной пропаганды были разнообразны – от диспутов и лекций до проведения "комсомольских пасх": "...в

Симферополе состоится первая конференция юных безбожников. Конференция заслушает доклады об очередной антирелигиозной работе в школах, о проведении антипасхальной кампании и отчётный доклад юношеской секции безбожников 4-й семилетки" [21, с. 2].

С 1928 года активизируется антирелигиозная пропаганда, она становится жёстче, грубее и агрессивнее, приобретает все более планомерный характер: "...7000 атеистов организовано в Крыму в Союз безбожников... 40 антирелигиозных кружков, 4 антирелигиозных семинария... Более полугода прошло со времени первого съезда безбожников Крыма и фактического начала у нас плановой безбожной работы... ячеек безбожников у нас около 200... Особенно слаба антирелигиозная работа среди народов Востока... В Крыму имеется более десятка разных религий и сектантских течений, насчитывающих 266 групп и общин, содержащих 848 религиозных зданий и расходующих на свои нужды в общей сложности свыше трёх с половиной миллионов рублей в год... за один только 1928 год закрыто и передано для использования под клубы, школы, агропункты около 50 молитвенных зданий..." [22, с. 2]. Власти не останавливаются перед репрессивными действиями, увольняют учителей за малейшее проявление религиозности: "...Старо-Крымский район – снято с работы ... за искривление марксистско-ленинской педагогики, отсутствие антирелигиозного воспитания ... дочь попа Ткаченко, не вела антирелигиозного и политического воспитания детей в школе ... Солонин – Юдиндорфская ШКМ, исполнял религиозные обряды (постился в Судный день)" [23, л. 81].

Таким образом, осуществление антирелигиозной пропаганды в школах Крыма осложнялось многонациональным составом учащихся. В отношении представителей православия власти вели себя достаточно грубо. По отношению к представителям национальных меньшинств были более осторожны. XII съезд РКП(б) в апреле 1923 года в резолюции "По национальному вопросу" провозгласил политику коренизации. Чтобы не оттолкнуть мусульман, власти были сдержаны в антирелигиозной деятельности. Было разрешено преподавание при мечетях мусульманского вероучения после достижения 14 летнего возраста. Ислам определял все стороны жизни крымских татар, поэтому грубое атеистическое вмешательство привело бы к ломке уклада жизни и вызвало бы резкий протест. В пропагандистских документах того времени нигде нет критики ислама как такового, а говорится только о консерватизме мулл и "религиозных предрассудках". Позитивной стороной было привлечение в школы девочек в отличие от женского образования в конфессиональных медресе и мектебе. Школа с помощью антирелигиозной пропаганды стремилась сформировать новое атеистическое мировоззрение, где не было места для религии. Для этой же цели функционировали национальные клубы, избы-читальни в сельской местности. Пионерские и комсомольские организации также с помощью внешкольной работы участвовали в атеистической деятельности. В школе проводниками новой атеистической идеологии должны были стать учителя, интеллигенция. Нарокомпрос Крымской АССР интенсивно проводил курсы чтобы "перековать" учителей. ОК ВКП(б) стремился к увеличению доли среди учителей коммунистов, особенно среди крымских татар. Цвет национальной интеллигенции, которая не воспринимала крикливой антирелигиозной деятельности, сначала была отстранена от активного участия в культурном процессе, а затем и уничтожена. В 1930-е гг. репрессии коснулись и рядовых учителей, основанием для которых нередко было происхождение (сын муллы и т.п.).

Литература

1. ГААРК. – Ф.П. – 1. – Оп. 1. – Д. 338. – Л. 48.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – Т.3.
3. Ярославский Ем. О религии. – М.: Госполитиздат, 1958. – 353 с.
4. Красный Крым. – 1924. – 5 марта.

5. Ярославский Ем. О религии. – М.: Госполитиздат, 1958. – 353 с.
6. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 106. – Л. 79.
7. Ярославский Ем. О религии. – М.: Госполитиздат, 1958. – 353 с.
8. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 47. – Л. 126.
9. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 82.
10. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 47. – Л. 31.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – Т.3.
12. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 23. – Л. 249.
13. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 304.
14. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 23. – Л. 248.
15. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 363.
16. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 5.
17. Красный Крым. – 1929. – 11 сентября.
18. Красный Крым. – 1929. – 22 ноября.
19. Красный Крым. – 1929. – 20 октября.
20. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 69. – Л. 81.
21. Красный Крым. – 1929. – 16 марта.
22. Красный Крым. – 1929. – 15 февраля.
23. ГААРК. – Ф.Р. – 20. – Оп. 3. – Д. 112. – Л. 81.